

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2018-5-6-17

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА В ЕВРЕЙСКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ (V–X ВВ.)

Будман Ю.Д.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной,
д. 24, Российская Федерация*

Аннотация. Цель статьи – проследить формирование подходов к решению философских проблем языка в еврейской филологической мысли. Автор проанализировал корпус античных и средневековых еврейских текстов, включающий Пятикнижие, экзегетическое сочинение «Мидраш Берешит Рабба» (V–VI вв.), «Указание о знаках кантиляции» Аарона Бен Ашера (начало X в.) и «Книгу о чистоте языка евреев» Саадии Гаона. А также тексты, созданные в рамках индоиранской, греческой и арабской традиций. В ходе исследования применялись описательный метод и метод сравнительного анализа. В процессе изучения эмпирического материала были выявлены сходство и различия между философскими концепциями еврейских, индоиранских, греческих и арабских мыслителей. Помимо этого, в статье впервые в отечественной и зарубежной истории лингвистики обосновывается греческое влияние на еврейскую философию языкознания. Результаты исследования могут быть использованы в учебно-методической деятельности.

Ключевые слова: философия языка, онтология языка, семиотика, еврейская филологическая мысль, терминология.

PHILOSOPHY OF LANGUAGE IN HEBREW LINGUISTIC THOUGHT (V–X CENTURIES)

Yu. Budman

*Moscow Region State University
24 ulitsa Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article is concerned with the approaches to philosophy of language in the Medieval Hebrew linguistics. The previous research in the field paid little attention to the question. Our main aim is to prove the Greek influence on Hebrew philosophy of language. The results of

the present research are based on the analysis of ancient sources - the Torah, Midrash Bereshit Rabba, Massoretic tradition and the works by the earliest Hebrew grammarian Saadia Gaon, as well as Indian, Greek and Arabic texts. The analogical approach used in the paper helps to identify some features common to all the traditions as well as some peculiarities of Hebrew philosophy of language. The research shows that the corpus of Jewish sacred texts contains no explanation of the existence of the speech. According to the Midrash the language of creation was Hebrew. The earliest attempt to solve the problem of origins of the language was made in the first half of the 10th century by Saadia Gaon. He argued that the language is a product of the convention. Saadia's ideas were deeply influenced by Ancient Greek philosophy. The results of the work could be used for educational and methodological purposes.

Key words: philosophy of language, ontology of language, semiotics, Hebrew linguistic thought.

Философия языка решает «проблемы, касающиеся наиболее общих, конститутивных свойств самого языка, проявления в языке (и в процессе его изучения) предельно общих свойств объективного мира, общих закономерностей развития природы, общества и познания» [9, с. 238]. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы проследить формирование философских концепций в рамках еврейской лингвистической традиции в раннем Средневековье.

Античных и средневековых философов интересовали в первую очередь проблемы онтологии языка: его происхождения и природы, отношения языка и объективной реальности, связи языка и мышления, – а также вопрос о знаковом характере языковых единиц.

Вопрос происхождения языка занимал человечество с древнейших времён. Самое раннее из известных представлений о возникновении речи зафиксировано в «Мемфисском философско-богословском трактате», относящемся к третьему тысячелетию до н. э. [5, с. 9]. В дошедших до нас шумерских текстах миф о создании языка отсутствует [23, р. 109, 111; 26].

Версии происхождения языка можно свести к двум теориям: теории бо-

жественного (или природного) происхождения и теории договора, согласно которой язык был установлен людьми. Независимо от того, какой из теорий придерживались мыслители, возникновение речи всегда связывалось с актом номинации¹.

В отличие от египетской мифологии, в которой верховное божество (Птах, а позднее Атон) «называет имя всякой вещи, создает все предметы и все слова, вкладывает речь в уста каждого младенца и наделяет народы разными языками» [5, с. 9], в еврейских сакральных текстах существование речи не объясняется и подаётся как факт. Бог творит мир словом: «Сказал (*ʾamar*) Бог: “Да будет свет”; и стал свет»² [11, с. 1]. После завершения творения Создатель приводит к человеку «всех зверей полевых и всех птиц небесных», и сам Адам «называет их имена» (*qārā' šēm*)»³ [11, с. 4]. Из того, что первый человек способен дать имена явлениям окружающего мира, следует, что он владеет речью.

В данном аспекте еврейская традиция отличается не только от древне-

¹ В рассматриваемых в данной статье традициях: египетской, индоиранской, греческой, еврейской и арабской.

² Быт. 1: 3.

³ Быт 2: 20.

египетской, но и от арабской, нашедшей отражение в Коране: «И научил [Аллах] Адама всем именам [творений]» (сура 2, 31) [1]. Согласно мусульманскому мировоззрению, знание об именах вещей (и тем самым язык) было ниспослано первому человеку свыше, внушено Аллахом. Существование различных языков также является божественным знаменем (сура 22, 30) [2], однако никак не объясняется. В Пятикнижии Бог не учит человека говорить, Адам, как и его Создатель, показан уже владеющим разумной речью и способным давать имена остальным существам. Подобную картину, когда люди признаются творцами наравне с божеством и самостоятельно устанавливают имена, тем самым создавая речь, мы видим в индоиранской традиции – в Ригведе (1700–1100 гг. до н. э.) и в Авесте.

«Первое начало Речи [возникло] когда они (мудрецы) приступили к действию, давая имена (*nāmadheya*) [вещам] ... Когда мудрые мыслью создали Речь...» («Ригведа», X, 71, 1) [10, с. 206]. И «Все горы, коим люди, взойдя или увидя, давали имена (*naman dadare*)» («Авеста», Яшт 19, 6) [4, с. 120].

Возможно, сходство между этими традициями обусловлено индоиранским влиянием на еврейскую культуру во время вавилонского плена и персидского господства (539–336 гг. до н. э.). Однако в еврейском мировоззрении представление о человеке-творце имён могло сформироваться и независимо. Необходимо отметить, что в иврите не используется конструкция «давать имя», зафиксированная в Ригведе и в Авесте и характерная для индоевропейских языков [4, с. 120]. Глагол *qārā'* имеет значения «звать», «называть», но

не имеет значения «давать» [21, р. 878].

В Пятикнижии не сообщается, на каком языке разговаривали люди, указывается лишь, что «был на всей земле один язык (*šāpā*) и одни слова (*dēbārīm*)»¹ [11, с. 15]. Происхождение различных языков объясняется в сюжете о вавилонской башне: Бог «смешивает» (*bālal*) язык людей, чтобы они перестали понимать речь друг друга и прекратили строительство, и рассеивает их по всей земле [11, с. 15, 16]. Этот отрывок призван не только объяснить существование разных языков, но и пролить свет на происхождение слова *bābel* – названия Вавилона на иврите. Автор библейского текста связывает его значение с глаголом *bālal* («путать», «смешивать»). «Поэтому наречено ему имя Бавэль, ибо там смешал Бог язык всей земли». Таким образом, *bābel* означает «смешение», «путаница».

Примечательно, что в Коране предание о смешении языков не зафиксировано. Эта легенда впервые появляется в мусульманской литературе только в конце IX в. – в «Истории пророков и царей», хронике персидского историка Аль-Табари (838–923 гг.), написанной на арабском языке. В общих чертах она совпадает с версией, изложенной в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия (ок. 37–100 гг.) и связывающей смешение языков с именем вавилонского правителя Нимрода² [12]. Однако у Аль-Табари отсутствует мотив строительства башни – люди были наказаны Богом за отступничество от истинной религии (ислама) и идолопоклонство. Первоначальным языком

¹ Быт. 11: 1.

² В отличие от библейского повествования о Вавилонской башне, в котором Нимрод не упоминается (Быт. 11: 1–9).

был арамейский, затем потомки Сима и Хама получили по 18 языков, а потомки Иафета – 36. Иными словами, общее число мировых языков, по мнению Аль-Табари, составляло 72 [27, р. 18].

В еврейской традиции ответ на вопрос, на каком языке говорили первые люди, даёт экзегетическая литература. В «Мидраш Берешит Рабба» (толковании на книгу Бытие, составленном в V–VI вв. в Палестине) говорится: «как Тора была дана на святом языке (иврите), так и мир был сотворен посредством святого языка». Этот вывод основывается на фразе Адама в Быт. 2: 23 «Она наречена будет женою (*'iššā*), ибо от мужа (*'iš*) взята она» [11, с. 4]. Слово *'iššā* («жена») на первый взгляд представляется производной формой женского рода от слова *'iš* («муж», «человек»). В действительности же слово *'iššā* образовано от корня *'n.š.*, как и слово *šnōš*, («человек») – синоним слова *'iš* [17, р. 143, 202]. Корневая буква *n* восстанавливается по форме множественного числа *nāšim* («женщины»). Тогда как слово *'iš* образовано от корня *'w.š* или *'u.š*. Основываясь на том, что слова «муж» и «жена» предположительно родственные, автор делает вывод, что первый человек говорил на иврите, так как ни на греческом, ни на арамейском подобная игра слов невозможна: «Слышал ли ты когда-нибудь, чтобы говорили: *āntrōpī* и *āntrōpā* (греч. ἄνθρωπος), *gabrā* и *gabreṭā* (арам. *gabrā*)? Нет, но только *'iš* и *'iššā*» («Мидраш Берешит Рабба», 18, IV) [24].

В экзегетической литературе предпринимались также попытки этимологизирования. Так, в «Мидраш Берешит Рабба» имя жены Ламеха Цилы (*šilā*) возводится к слову «тень» (*šēl*) (Ми-

драш Берешит Рабба», 23, II) [24]. Семантикой наделяются даже буквы и их форма: «Рабби Йона говорил: почему творение мира началось с буквы *beth* (второй буквы алфавита, с которой начинается первое слово Пятикнижия – *bērēšit*, “в начале”), [а не с первой буквы алфавита *aleph*]? Потому что буква *beth* (ב) закрыта со всех сторон, а открыта только спереди. Потому нет у тебя права размышлять о том, что внизу (в бездне), что наверху (на небесах), о том, что было до сотворения мира. Но лишь с того дня, когда мир был сотворен и далее [нам дано его познавать].

Заговорил другой: Почему с *beth*? Потому что эта буква несет в себе смысл “благословение” (*lāšōn bërākā*). И почему не с *aleph*? Потому что она несет в себе смысл “проклятие” (*lāšōn 'ārīrā*)» («Мидраш Берешит Рабба», 1, X) [24]. Слова «благословение» и «проклятие» начинаются соответственно с букв *beth* и *aleph*.

Здесь уместно провести параллель между приведённым выше отрывком и представлениями древних греков, также считавших, что буквы наделены смыслом. Как говорит Сократ в диалоге Платона «Кратил», пародируя этимологов: «Буква *ρ* (*po*) является как бы орудием всякого движения ... в смысле уподобления порыву ... В слове *ρεῖν* (*rein*, «течь») и в слове *ροή* (*roe*, «течение») он [установитель имен] подражает порыву с помощью этой буквы». Затем Сократ приводит ещё ряд слов, содержащих букву *ρ* и имеющих общий семантический компонент «порыв»: *τρέχειν* (*trehein*, «бежать»), *θραεῖν* (*thrayein*, «ломать»), *θρῦπτεῖν* (*thruptein*, «крошить») и другие. Замечая, что «язык при произнесении *ρ*

совсем не остается в покое, а приводится в сильное сотрясение, поэтому [установитель имен] воспользовался *po* для всех этих слов» [3, с. 50].

Еврейские экзегеты рассматривали проблему семантики букв несколько иначе. Значение буквы связывалось не с тем звуком, который она обозначает, а с формой самой графемы. Или с одним из слов, начинающихся с этой буквы, как мы видели в примере выше.

Однако проблема происхождения языка не занимала масоретов – учёных, стоявших у истоков еврейской грамматики, лексикографии и еврейской лингвистической мысли в целом. Их исследования носили сугубо прикладной характер. Масореты ставили перед собой практическую задачу: сохранить канонизированный текст еврейской Библии и не допустить его изменения при переписывании свитков [7, стлб. 156–165]. Масора¹ рассматривает частные вопросы языкознания и не пытается решать философские проблемы. В своде указаний масоретов, складывавшихся с VII по начало XI вв., можно найти описание системы огласовок² еврейского языка, зачатки морфологии, зачатки лексикологии (представление об омонимии и полисемии) [19, р. 57, 66, 128, 156; 22, р. 130]. Однако вопроса происхождения языка они не касаются.

В труде «Указания о знаках кантиляции» (*Dīqdūqē hattē'āmīm*) Аарона Бен Ашера (начало X в.), представителя династии масоретов из Тивериады,

впервые высказано предположение о связи речи с мышлением: «Значение (*'inyān*) имени определяется [разумом (*šēkel*)]» [16, р. 6]. Однако вопрос онтологии языка им также не затрагивался.

Первым на проблему возникновения языка обратил внимание современник Бен Ашера Саадия Гаон³ в «Книге о чистоте языка евреев» (*Kitāb faṣīḥ luḡa 'al-'ibrānīin*). В этом труде нет отдельной главы, посвящённой природе и происхождению языка, и этой темы автор касается вскользь, рассуждая о других проблемах.

В четвёртой главе, рассматривая явление геминации (*'al-tašdīd, dāḡēš*) в иврите, Саадия Гаон выделяет случаи естественного удвоения (*'al-dāḡēš 'al-ṭabī'ī* – «природный дагеш»), которому нет логического объяснения, и пишет: «Для первичных имен (*'ism 'ašlī*), которые являются основой, чтобы строить на них [другие имена], невозможно обосновать наличие или отсутствие удвоения. Как ты говоришь: *'ammīm* («народы») с удвоением (со знаком *dāḡēš*), а *ū-bānīm* («и сыновья») без удвоения (*rāpī*). Нет тому причины. И как ты еще говоришь: *ḥinnām* («даром») с удвоением, а *ḥēpeš* («желание») – без, и таких примеров множество. Не стоит даже спрашивать: “Почему?” Этот вопрос останется без ответа.

Как мы полагаем, потому, что установитель языка (*wādi' 'al-luḡa*) нашел символы (*'alāma*), которые установил (*wada'*) вещам (*šey*) по [каким-либо] причинам. Я не имею ввиду, что [он]

¹ Масора – свод указаний, служащих сохранению канонизированного текста еврейской Библии и нормативов его оформления при переписывании [7, стлб. 156–165].

² Огласовка – знак, использующийся для передачи гласного звука в консонантном письме.

³ Подробнее о Саадии Гаоне: см. Будман Ю.Д. Из истории развития еврейской филологической мысли в X в.: От Са'адии Гаона до Менахема бен Сарука // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 4. С. 8–17.

по [какой-то] причине назначил [имя] “день” для дня, а [имя] “море” – для моря. Даже если бы [он] поменял эти [имена] местами, ничего бы не изменилось. Однако для нас это [перемена имен] стало невозможным, так как общее соглашение (*'iṣṭilāh*) предшествовало нам, и оно обязывает нас не отступать от ранее принятого. Потому что выбор (*'iḥtiyār*) уже был совершен тем, кто установил то, что избрал.¹

[И если бы язык был от природы]², то люди, все как один, говорили бы на одном языке, и не было бы других языков. Но поскольку имело место соглашение, то [подобного не происходит].

И точно так же, как нет причины, по которой были установлены буквы³ имен, так нет причины, по которой были установлены их гласные – так провозгласил установитель [знаков] (*nāṣib 'al-'alāmāt*). И если бы [он] избрал назвать верх “землей”, а низ – “небом”, то ему это было бы позволено. Точно так же дело обстоит с “природным” знаком удвоения» [20, р. 396–400].

В седьмой главе, посвящённой буквам *aleph*, *hey*, *het* и *ayin*, обозначающим на письме гортанные звуки, Саадия Гаон вновь обращается к теме природы и происхождения языка.

«Мы исследовали суть [вопроса], заключающегося в том, как была установлена звуковая сторона (*lafẓ*) имен,

¹ Далее лакуны.

² В оригинале лакуна. Данное прочтение предложено А. Дотаном.

³ Понятия «буква» и «звук» в еврейской грамматике X в. не различаются. Термины *ḥarf* и *ḏi*, как и в арабском языке, обозначают и букву, и согласный звук. Для гласных звуков, обычно не отображающихся на письме, Саадия использует термины *naḡama* («мелодия», «напев») и *naḥw* («образ») [20, р. 511].

и не нашли на него ответа. Полагают, что имело место соглашение. Люди договорились и сообща установили всему существующему имена, чтобы передать нам знание о вещах, находящихся [в мире] ... Вместе с тем, сущность и идея (*ma'nā*) вещи не определяют ее имя. Ведь если бы это было так, то весь мир обязательно свёлся бы к одному языку, потому что у вещи не могло бы быть больше одного истинного имени. И обозначаемое (*musama'*) на иврите *ḥben* («камень») не могло бы обозначаться по-арабски *ḥaḡr*, так как суть этих букв выражала бы нечто иное. Но поскольку это не так, то доказано, что имена – результат договора и ничего более. И если бы [люди] договорились поменять имена, то *nahār* («день») назывался бы *duhn* («жир»), а *duhn*, напротив, – *nahār*, и *yōm* («день») – *yām* («море») и наоборот.

Потому не следует искать причину установления согласных и гласных ... , а нужно лишь сказать, что так договорились знатоки языка (*'ahl 'al-luḡa*)» [20, р. 508–510].

Основные положения Саадии Гаона повторяют идеи арабских философов и грамматиков IX–X вв., которые заимствовали их из трудов греческих авторов, в частности Платона и Аммония, переведившихся на арабский язык с конца VIII в. [28, р. 173; 8, с. 171]. Саадия был сторонником теории договора и полагал, что возникновение языка – результат соглашения между людьми, а не божественного установления. Подобно мутазилитам⁴, он признавал роль свободного выбора человека в процессе создания имён [28, р. 186].

⁴ Мутазилиты – представители религиозно-философского течения в исламе, возникшего в VIII в.

Как и арабские философы, Саадия Гаон принял теорию стоиков об объекте, понятии, постигаемом рассудком, и знаке [3, с. 68; 13, с. 107] и выделял в имени две стороны: *lafz* – звучание (совокупность произносимых букв) или выражение [20, р. 167] и *ma'nā* – смысл. Согласно Саадии Гаону, имя является

знаком, установленным людьми и не отражающим природы вещи. Помимо этого, грамматик использует термины, применявшиеся арабскими филологами, его предшественниками и современниками [28, р. 186; 4, с. 121]. Данные термины являются калькой с соответствующих греческих (табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление арабских и греческих философских терминов

№	Арабский термин	Транскрипция	Значение	Греческий термин	Транскрипция
1	طبيع	ṭabi'a	природа	φύσις	fusis
2	وضع	waḍ'	установление	θέσις	tethis
3	واضع اللغة	wāḍi' 'al-luġā	установитель языка	ὄνοματοθέτης	onomatet
4	اصطلاح	'iṣṭilāh	соглашение/договор	συνθήκη	suntheke
5	معنى	ma'nā	1. понятие/смысл (в учении стоиков) 2. абстракция/идея (в платонизме)	1. πρᾶγμα 2. εἶδος	1. pragma 2. eidos
6	علامة	'alāmā	знак	σημεῖον	semeion
7	مسمى	musammā	обозначаемое (в учении стоиков)	σημαινόμενον	semainomenon
8	اسم	'ism	1. имя 2. обозначающее (в учении стоиков)	1. ὄνομα 2. σημαῖνον	1. onoma 2. semainon
9	شيء	šey'	объект/реалия	τῦνκханον	tynkhanon
10	لفظ	lafz	звуковая сторона слова	φωνή	phōne

Однако в «Книге о чистоте языка евреев» имеются свидетельства, что Саадия Гаон был знаком не только с сочинениями арабских философов и филологов, но и с трудами Платона и Аристотеля:

1. Используемая автором терминология:

- a. *'ism ašlī* (первичное имя) – калька с греческого термина *proto onoma* [3, с. 15], а не арабский термин *ašl* с тем же значением;
- b. *kalatā* («речение») для обозначения глагола [20, р. 338] – калька с

греческого термина *rema* (например, в Aristotle. Poetics 1457a) [3, с. 136; 15], а не арабский термин *fi'l* («действие») [14, р. 49];

- c. *ḥaqīqā 'al-kalām* («истинность слов») [20, р. 511], термин, соответствующий греческому *orthotes* (например в Plat. Crat. 383a) [25]. Истинность имени, следующая из его природного происхождения или же из установления по договору, является предметом спора в диалоге Платона «Кратил»;

2. Образ *wāḏī' al-luḡā* – «установителя языка», который также называется *nāṣīb al-'alāmāt* – «установитель знаков».

В арабской философии, теологии и грамматике, несмотря на представление об установлении имён (*wad'*), сам образ «установителя» не проработан так детально, как это сделано у Платона. Язык мог быть установлен Богом или людьми – группой «знатоков языка», заключивших между собой соглашение, или всем обществом для целей коммуникации [18, p. 39; 6, с. 65]. Однако термин *wāḏī' al-luḡā* не используется по отношению к одной личности, как в диалоге «Кратил» [3, с. 43].

Образ *wāḏī' al-luḡā* в «Книге о чистоте языка евреев» во многом совпадает с образом ономастурга в диалоге «Кратил». Это некий древний законодатель, мастер слова, избравший и установивший имена всем вещам. Установитель языка не является божеством. Единственное различие между ономастургом и *wāḏī' al-luḡā* в том, что, по Саадии Гаону, имя вещи не связано с её сутью, и причины, по которым установитель знаков выбрал определённое сочетание звуков для обозначения некой вещи, нам неизвестны. Тогда как Сократ в диалоге «Кратил» утверждает, что ономастург устанавливает имена, соотносясь с природой вещи [3, с. 48]. Если у Платона образ установителя имён служит для иллюстрации ошибочности теории природного происхождения имени, то у Саадии Гаона – для иллюстрации теории договора.

Профессор Аарон Дотан, опубликовавший в 1997 г. «Книгу о чистоте языка евреев», утверждает, что под установителем языка Саадия Гаон подразумевал первого человека [20, p. 98].

Мы полагаем, что отождествлять образ установителя языка с Адамом не вполне правильно. Установитель языка в «Книге о чистоте языка евреев» анонимен, как и в диалоге Платона «Кратил», откуда, предположительно, данный образ и был заимствован.

Как уже отмечалось выше, еврейскому мировоззрению, в отличие от арабского, изначально не чуждо представление о человеке как о творце имён. Но ни в сакральных текстах, ни в экзегезе по отношению к Адаму не используется сам термин «установитель имен». Саадия Гаон также не называет *wāḏī' al-luḡā* Адамом или первым человеком.

А. Дотан проводит параллель с комментарием к книге Бытие, в котором Саадия цитирует Быт. 2: 20, где говорится, что Адам нарёк имена всему творению [20, p. 99]. Однако это отдельное экзегетическое сочинение, при создании которого автор ставил перед собой иные цели, чем при написании грамматики еврейского языка. В комментарии Саадия Гаон толкует Писание, а в четвертой и седьмой главе «Книги о чистоте языка евреев» рассуждает о философских проблемах языкознания, не опираясь на сакральный текст. Поэтому, на наш взгляд, объединять два этих произведения нелогично.

Итак, мы полагаем, что установитель языка у Саадии Гаона не тождественен Адаму. *Wāḏī' al-luḡā* – абстрактный образ, используемый автором для иллюстрации своих идей.

Мы также не согласны с мнением А. Дотана, что Саадия Гаон самостоятельно разработал образ человека-установителя языка, вложив новый смысл в арабский термин *wāḏī' al-luḡā*

[20, р. 103]. «Кратил» был известен в арабском мире. В частности, он цитируется современником Саадии грамматиком Аль-Фараби (ок. 870–950 гг.), комментатором Платона и Аристотеля [28, р. 173]. Поэтому нет оснований полагать, что Саадия Гаон, живший в Багдаде, культурной и научной столице исламского мира [20, р. 101], был незнаком с данным произведением.

В ходе нашего исследования мы пришли к следующим выводам. В древнем мире существовали два основных взгляда на возникновение языка: теория божественного происхождения и теория договора. Начало речи в мировоззрении античных мыслителей связывалось с актом номинации. Однако в корпусе еврейских сакральных текстов отсутствует повествование о создании языка Богом или людьми.

Речь является данностью. Первый человек способен разумно изъясняться и давать имена остальному творению. Согласно еврейской экзегезе V–VI вв., первоначальным языком был иврит. Но до X в. проблема природы языка не поднималась в еврейской традиции. Впервые гипотеза происхождения речи была сформулирована Саадией Гаоном в «Книге о чистоте языка евреев». Он – сторонник теории договора и отстаивал знаковую природу имени. На его взгляды оказали большое влияние труды арабских грамматиков и греческих философов. Образ установителя языка в «Книге о чистоте языка евреев» несамостоятелен и во многом заимствован из диалога Платона «Кратил».

Статья поступила в редакцию 13.07.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Аль-Бакара // Коран онлайн. URL: <http://quran-online.ru/2:31> (дата обращения: 30.04.2018).
2. Аль-Хаджж // Коран онлайн. URL: <http://quran-online.ru/22:30> (дата обращения: 30.04.2018).
3. Античные теории языка и стиля / отв. ред. О.М. Фрейденберг. М.: ОГИЗ, 1936. 340 с.
4. Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры: в 7 т. Т. 7. Кн. I. М.: Знак, 2010. 720 с.
5. История лингвистических учений. Древний мир / отв. ред. С.Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1980. 263 с.
6. История лингвистических учений. Средневековый Восток / отв. ред. С.Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1981. 305 с.
7. Краткая еврейская энциклопедия в 11 т. Т. 5 / отв. ред. И. Орен. Иерусалим: Кетер, 1990. 864 стлб.
8. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. Т. 1. М.: Мысль, 2010. 744 с.
9. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. Т. 4. М.: Мысль, 2010. 736 с.
10. Ригведа: в 3 т. / под ред. Т.Я. Елизаренковой. Т. 3. М.: Наука, 1999. 559 с.
11. Тора / под ред. Г. Брановера. М.: Шамир, 2005. 490 с.
12. Иосиф Флавий. Иудейские древности [Электронный ресурс] // Библиотека «Вѣхи»: [сайт]. URL: <http://www.vehi.net/istoriya/israil/flavii/drevnosti/01.html> (дата обращения: 03.05.2018).
13. Якобсон Р.О. В поисках сущности языка // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 102–117.

14. Al-Khalil ibn Ahmad. *Kitab al-Ayn*: in 8 vols. Vol. 1. Baghdad, 1990. 382 p.
15. Aristotle. *Poetics* // Perseus Digital Library. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0055%3Asection%3D1457a> (дата обращения: 18.05.2018).
16. Baer S., Ben Asher A. *Dikduke ha-Teamim*. Leipzig, 1879. 136 p.
17. Brown F. *The Enhanced Brown-Driver-Briggs Hebrew and English lexicon*. Oxford: Clarendon Press, 2000. 3132 p.
18. Carter M. *Pragmatics and contractual language in early Arabic. Grammar and Legal Theory // Approaches to Arabic linguistics / ed. E. Ditters, H. Motzki. Leiden, Boston: Brill, 2007. P. 25–44.*
19. Dotan A. *The Awakening of world lore: from the Masora to the beginnings of Hebrew lexicography*. Jerusalem: The Academy of the Hebrew language, 2005. VIII + 223 p.
20. Dotan A. *The dawn of Hebrew linguistics: the Book of elegance of the language of the Hebrews by Saadia Gaon*. Jerusalem: Word Union of Jewish Studies, 1997. 669 p.
21. Even-Shoshan A. *Milon Even-Shoshan ha-merukaz*. Jerusalem: Milon, 2004. 1194 p.
22. Frensdorff S. *Ochlah W'ochlah (Massora)*. Hannover: Hahn'sche Hofbuchhandlung, 1864. 187 + 65 + XII s.
23. Kramer S. *The Babel of Tongues: A Sumerian Version* // *Journal of the American Oriental Society*. 1968. No. 88 (1). P. 108–111.
24. *Midrash Bereshit Rabba* // *Torat Emet Online*. URL: http://www.ateret4u.com/online/f_01633_part_1.html (дата обращения: 18.05.2018).
25. Plato. *Cratylus* // Perseus Digital Library. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.01.0171> (дата обращения: 18.03.2018).
26. *The Electronic text corpus of Sumerian literature [Электронный ресурс]*. URL: <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=t.1.1.2#> (дата обращения: 19.05.2018).
27. *The History of Al-Tabari: in 40 vols. / transl. W.M. Brienner. Vol. 2*. New York: State University of New York Press, 1987. 207 p.
28. Versteegh C.H.M. *Greek elements in Arabic linguistic thinking*. Leiden: Brill, 1977. 245 p.

REFERENCES

1. [Al-Bacarah]. In: *Koran onlain* [Koran online]. Available at: <http://quran-online.ru/2:31> (accessed: 30.04.2018).
2. [Al-Hajj]. In: *Koran onlain* [Koran online]. Available at: <http://quran-online.ru/22:30> (accessed: 30.04.2018).
3. Freidenberg O.M., ed. *Antichnye teorii yazyka i stilya* [Ancient theories of style and language]. Moscow, OGIz Publ., 1936. 340 p.
4. Ivanov V.V. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. 7. Kn. I* [Selected works on semiotics and history of culture. Vol. 7. B. I]. Moscow, Znakh Publ., 2010. 720 p.
5. Katznelson S.D., chief ed. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii. Drevnii mir* [The history of linguistics. The Ancient world]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 263 p.
6. Katznelson S.D., ed. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii. Srednevekovyi Vostok* [The history of linguistics. Medieval East]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 305 p.
7. Oren I., ed. *Kratkaya evreiskaya entsiklopediya. T. 5* [Shorter Jewish encyclopedia. Vol. 5]. Jerusalem, Keter Publ., 1990. 864 columns.
8. Stepin V.S., ed. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. T. 1* [New philosophical encyclopedia. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 2010. 744 p.
9. Stepin V.S., ed. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. T. 4* [New philosophical encyclopedia. Vol. 4]. Moscow, Mysl' Publ., 2010. 736 p.

10. Elizarenkova T.Ya., ed. *Rigveda. T. 3* [Rigveda. Vol. 3]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 559 p.
11. Branover G., ed. *Tora* [The Torah]. Moscow, Shamir Publ., 2005. 490 p.
12. Flavius I. [Jewish Antiquities]. In: *Biblioteka "Vekhi"* [Library "Milestones"]. Available at: <http://www.vehi.net/istoriya/israil/flavii/drevnosti/01.html> (accessed: 03.05.2018).
13. Jakobson R.O. [Quest for the essence of language]. In: *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 102–117.
14. Al-Khalil ibn Ahmad. *Kitab al-Ayn*. Vol. 1. Baghdad, 1990. 382 p.
15. Aristotle. Poetics. In: *Perseus Digital Library*. Available at: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0055%3Asection%3D1457a> (accessed: 18.05.2018).
16. Baer S., Ben Asher A. *Dikduke ha-Teamim*. Leipzig, 1879. 136 p.
17. Brown F. *The Enhanced Brown-Driver-Briggs Hebrew and English lexicon*. Oxford, Clarendon Press, 2000. 3132 p.
18. Carter M. Pragmatics and contractual language in early Arabic. *Grammar and Legal Theory*. In: *Approaches to Arabic linguistics*. Leiden, Boston, Brill, 2007, pp. 25–44.
19. Dotan A. *The Awakening of world lore: from the Masora to the beginnings of Hebrew lexicography*. Jerusalem, The Academy of the Hebrew language, 2005. VIII + 223 p.
20. Dotan A. *The dawn of Hebrew linguistics: the Book of elegance of the language of the Hebrews by Saadia Gaon*. Jerusalem, Word Union of Jewish Studies, 1997. 669 p.
21. Even-Shoshan A. *Milon Even-Shoshan ha-merukaz*. Jerusalem, Milon, 2004. 1194 p.
22. Frensdorff S. *Ochlah W'ochlah (Massora)*. Hannover, Hahn'sche Hofbuchhandlung, 1864. 187 + 65 + XII s.
23. Kramer S. The Babel of Tongues: A Sumerian Version. In: *The Journal of the American Oriental Society*, 1968, no. 88 (1), pp. 108–111.
24. Midrash Bereshit Rabba. In: *Torat Emet Online*. Available at: http://www.ateret4u.com/online/f_01633_part_1.html (accessed: 18.05.2018).
25. Plato Cratylus. In: *Perseus Digital Library*. Available at: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.01.0171> (accessed: 18.03.2018).
26. The Electronic text corpus of Sumerian literature. Available at: <http://etcs1.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcs1.cgi?text=t.1.1.2#> (accessed: 19.05.2018).
27. Brienner W.M., transl. *The History of Al-Tabari*. Vol. 2. New York, State University of New York Press, 1987. 207 p.
28. Versteegh C.H.M. *Greek elements in Arabic linguistic thinking*. Leiden, Brill, 1977, 245 p.

БЛАГОДАРНОСТИ

Материалы статьи собраны благодаря программе Центра «Сэфер» по поддержке исследований в области иудаики (грант *Genesis Philanthropy Group*).

ACKNOWLEDGMENTS

The materials of the article are collected with the support of the Center "Sefer" for the Support of Research in the field of Jewish Studies (grant of the Genesis Philanthropy Group).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Будман Юлия Дмитриевна – аспирант кафедры теории языка и англистики Московского государственного областного университета;
e-mail: judebudman@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia D. Budman – postgraduate student at the Department of Language Theory and Anglistics, Moscow Region State University;
e-mail: judebudman@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Будман Ю.Д. Философия языка в еврейской филологической мысли (V–X вв.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 5. С. 6–17.
DOI: 10.18384/2310-712X-2018-5-6-17

FOR CITATION

Budman Y.D. Philosophy of Language in Hebrew Linguistic Thought (V–X Centuries). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2018, no. 5, pp. 6–17.
DOI: 10.18384/2310-712X-2018-5-6-17